

О. В. Мартышин¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема ценностей не получила тщательной разработки в отечественной теории государства и права, хотя в советское время появлялись монографии о справедливости и была опубликована книга видного болгарского юриста Н. Неновски, обучавшегося в аспирантуре юридического факультета МГУ. Возможно, это связано с тем, что проблема не является юридической в строгом смысле слова. Ценности выходят за рамки права и правовой теории. Они универсальны, охватывают все стороны общественной жизни. Ценности прежде всего являются предметом философии и этики. Попытка объявить свободу, равенство, справедливость сугубо юридическими понятиями, сформировавшимися первоначально в рамках права, перенесенными впоследствии в другие сферы жизни, не выдерживают критики.

Можно надеяться, что введение в учебную программу магистратуры юридических вузов философии права приведет к оживлению аксиологической тематики

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др., учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов), научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Политическая обязанность», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

ки, так как философию права называют иногда наукой о ценностях и антиценностях.

Актуальность проблемы возрастает в условиях идеологической неопределенности. В начале 1990-х годов в постсоциалистических странах Восточной Европы получила распространение мысль о деидеологизации государства. Это была реакция на официальную идеологию тоталитаризма. Ст. 13 Конституции РФ отразила ту же тенденцию, провозгласив идеологическое многообразие и исключив установление государственной или обязательной идеологии. Возможно, в период смены режимов такая декларация была нужна, хотя ее правовое содержание поглощается ч. 1 ст. 29, гарантирующей свободу мысли и слова. Политические мотивы вели к недооценке роли идеологии.

Между тем конституция современного государства, провозглашая определенные принципы, сама по себе представляет идеологический документ. Идеологическое многообразие и политический плюрализм, основы конституционного строя — это тоже идеология. Покушение на них карается законом. К результатам деидеологизации следует отнести не только плюрализм мнений, платформ и движений, но и известный идейный вакуум, неопределенность в стране, привыкшей жить по четким установкам, не подготовившей своих граждан к сознательному выбору.

Сейчас отношение к идеологии в РФ меняется. Политические партии осознали, что идейная пустота не способствует их влиянию, и пытаются обзавестись теоретическими платформами. Трудно представить себе, чтобы эти усилия привели к открытию принципиально

новых направлений. Но поскольку четкое мировоззренческое и политическое самоопределение вышло в России из моды, поиск нередко ведется на уровне первоначальных ценностей, что укрепляет их идеологическое содержание. Отвергая обязательную идеологию, государство не может быть полностью нейтральным к идеологии, возникающей в обществе, оно заинтересовано в утверждении определенных принципов. В том, какие принципы поощряются, раскрывается характер государственной власти.

Проблема ценностей, как и нравственности вообще, ставится в двух плоскостях: идеала и действительности. Разрыв между ними неизбежен. Дело — в его степени и тенденции: подтягивается ли действительность к идеалу, или, наоборот, идеалы низводятся до уровня действительности. Последний вариант, типичный для разных эпох, применительно к официальному католицизму своего времени описал Томас Мор: «Проповедники, люди хитрые... узнав, как тяжело людям приспособить свои нравы к требованиям Христа, они приладили его учение к своим нравам». Увы, в современной России преобладает именно такая тенденция.

Л. Д. Гудков, директор Аналитического центра Юрия Левады, выделял «такие черты массового постсоветского человека, как недоверие к другим, лукавство, нормативный релятивизм, цинизм и готовность приспособиться к любой изменившейся “игре” ценной снижения уровня ожиданий»¹. Ему вторил один из учредителей Конгресса петербургской интеллигенции, писатель Д. А. Гранин, заявивший на круглом столе, посвященном проблемам политики государства в сфере нравственности и духовности, в апреле 2008 года, что раньше у людей была мечта о создании справедливого коммунистического общества, а теперь остался только культ денег². Значительная часть общества стремится к тому, что называют иногда «отрицательными ценностями»³, не идеальными, нравственными, а материальными, житейскими.

Сложность реализации идеальных ценностей обусловлена не только материальными возможностями и состоянием нравов, но и тем, что система ценностей лишена гармонии. Коллизии ценностей — неизбежное явление. Иерархия ценностей признается не всеми, но, кажется, без нее хотя бы не в абсолютной, а относительной, то есть временной, установленной для конкретного случая, форме решение коллизий невозможно. На высшую ступень в иерархии ценностей могут претендовать лишь справедливость и общее благо, причем последнее часто понимается как один из важнейших аспектов справедливости. Но и это не решает проблему.

Дело в том, что справедливость и общее благо представляют собой не элементарные, простые ценности, а сложные, составленные из простых ценностей, таких, например, как свобода, равенство, безопасность и т. п. К тому же никогда не было и не будет единого мнения по вопросу о справедливости и общем благе. Это и делает недостижимой полную гармонию ценно-

¹ Независимая газета. 2008. 8 апр.

² Там же. 22 апр.

³ Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 503.

стей, что подчеркивал П. И. Новгородцев. «Личность и общность, равенство и свобода, право и нравственность <...> находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения»⁴, — писал он. Отсюда необходимость выбора, то есть предпочтений, приоритетов.

Коснемся некоторых аспектов такого рода выбора в постсоветской политико-правовой системе, его теоретической обоснованности и практических последствий. Увлечение идеалами свободы и демократии привело не только ряд общественных деятелей и публицистов, но и некоторых профессиональных юристов к утверждению «приоритета прав человека над государственными интересами». Считают, что этот принцип закреплен в ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При этом игнорируются ч. 3 ст. 17 («Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц») и особенно ч. 3 ст. 55, в которой приоритет явно отдается интересам общества и государства («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»).

В обоснование приоритета прав человека приводится получившая немалое распространение в нашей литературе, в том числе юридической, совершенно неубедительная теория персонистского и системноцентристского (социоцентристского) общества. Реальность системноцентристского общества так же бесспорна, как и то, что его наиболее последовательной формой является тоталитаризм, приносящий права человека в жертву государству. Но вот персонистское общество не только проблематично, но и принципиально неосуществимо. Логически это вытекает из множественности центров. Общество жизнеспособно, когда оно центрировано, а не центробежно. Можно было бы признать персонистским анархический идеал. Считать персонистским то, что К. Поппер называл «открытым обществом», то есть современные западные демократии, нет никаких оснований. Это либеральные системы, в которых гарантируются права человека, но лишь в той мере, в какой они не противостоят общественным интересам, и этот принцип был сформулирован одним из родоначальников западного либерализма Дж. Локком. Лозунг «приоритета прав человека», взятый на вооружение в России в период увлечения «мировыми стандартами», свидетельствует об ошибочном понимании основ либерализма. Нужно ли говорить, что никакого приоритета прав человека в России не было и нет и что этот лозунг послужил ширмой для незаконного обогащения?

В первом десятилетии XXI века идеологические (ценностные) установки претерпевают изменения. «Мировые стандарты» уступают первенство национальным традициям и специфике. Эта коррекция курса принципиально оправдана и могла бы оказаться плодотворной, если бы не опасность эксцессов проти-

⁴ Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 374.

воположной направленности. Вместо поисков путей приспособления либерализма к российским условиям и традициям (а это и есть диалог культур) происходит вытеснение либерализма консерватизмом.

Идеология консерватизма берется на вооружение правящей партией. Под консерватизмом обычно понимается стремление сохранить существующий порядок, предохранить его от распада. Но в современном российском варианте речь идет не об увековечивании сегодняшнего состояния и уж тем более не о защите остатков советского наследия (наоборот, к нему воспринимается сугубо отрицательное отношение), а о возрождении прошлых традиций. Такой консерватизм приобретает реставрационный характер. Грань между консерваторами и реакционерами достаточно тонка. Обычно сторонников сохранения сущего называют консерваторами, а борцов за восстановление минувшего — реакционерами.

В нашем консерватизме велик удельный вес реставраторства. Очернение советской эпохи сопровождается апологией самодержавия. Идет дискредитация не только Октябрьской, но и Февральской революции, вообще всякой революции, и Английской, и Великой французской. Российское самодержавие конца XIX — начала XX века рассматривается как гарант стабильности, благополучия, справедливости и прогресса. Церковь пытается вернуть себе тот статус, который она имела до революции. Раздаются призывы относиться к ней как к опоре государства, хранительнице национальных традиций, духовности, нравственности, источнику новой, объединяющей народ идеологии. Возрождаются сословная гордость и ее современная несловесная модификация — элитизм. А элитизм, как и сословность, — это покушение на равенство — принцип либерализма и революций.

Эти новые идейно-политические тенденции получают очень яркое, я бы сказал, утрированное воплощение в нашей юридической литературе. В работах А. М. Ве-

личко, В. В. Сорокина, А. А. Васильева, А. В. Серегина¹ и других православная монархия характеризуется как лучшая и едва ли не единственно возможная форма российской государственности. Пока это выглядит как экзотика. Но призывы отказаться от либерализма все чаще раздаются в нашей общественной жизни. В пропаганде либеральных ценностей видят атаку «на те ценности, которые складывались в нашем обществе веками». Появились и утверждения, что российское руководство решило отказаться от либерализма. Так, 4 марта 2013 года на заседании дискуссионного клуба Всемирного русского народного собора протоиерей Александр Шумских заявил: «В сегодняшней России должны продолжиться те процессы, которые начались при Сталине. Путин начал антилиберальную контрреволюцию»².

Либерализм и консерватизм не всегда противостояли друг другу. Известны и попытки их синтеза. Не к этому ли стремились ранние славянофилы, в частности А. С. Хомяков? А. И. Герцен говорил о «либеральных консерваторах». Блестящий образец своеобразного сочетания либеральных и консервативных идей дал Б. Н. Чичерин в статье «Россия накануне двадцатого столетия», которую можно рассматривать как его политическое завещание. По цензурным соображениям статью пришлось печатать в Германии. В ней дается трезвая оценка тяжелого положения России и предлагается программа либеральных преобразований при сохранении самодержавия.

Консерваторы современной России склонны противопоставлять себя либерализму, что чревато самоизоляцией от мировых процессов. При всех отклонениях и отступлениях человечество в целом продолжает путь, начатый Европой в XVII–XVIII веках, и движется к демократии и либерализму, а не к самодержавию и клерикализму, или теократии. Противиться этому — значит отходить от диалога культур к национальной замкнутости и исключительности.

¹ *Величко А. М.* Философия русской государственности. СПб., 2001; *Сорокин В. В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007; *Васильев А. А.* История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул, 2011; *Васильев А. А., Серегин А. В.* История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М., 2011.

² НГ Религии. 2013. 6 марта. С. 1.